

Сегодня 28 февраля 2005 года я, Островская Ирина, в рамках программы «История семьи» беру 2-ое интервью у Натальи Степановны Даниловой, у нее дома в Москве. Это первая кассета.

1-я кассета, сторона А

- В. Давайте посмотрим ваши фотографии
- О. У нас фотографий нет.
- В. Почему? А где же они есть? У Марины?
- О. Ну, во-первых, частично у Марины, а во-вторых, нас не фотографировали, когда мы были маленькими. Вот единственная фотография.
- В. Вот это вы, вот это Марина.
- О. Нет, вот это я, а это мой брат.
- В. Ах! Вот это да! Это та же самая фотография!
- О. Чуть-чуть разные...
- В. А с мамой есть где-нибудь вы, чтобы вы с мамой были, или с папой, но с папой, наверное, не будет.
- О. Нет. Вот еще моя фотография. Это я, это Марина, а это наша...
- В. Няня.
- О. Сестра двоюродная.
- В. Вот эта двоюродная, которая работала одновременно и няней.
- О. Сестра двоюродная, которая работала у нас няней, да.
- В. Таня ее зовут, по-моему. Правильно?
- О. Таней, да. Неужели вы помните...
- В. Ну а как же. Я же очень внимательно слушаю, что вы мне рассказываете. Вот еще мой брат, уже взрослый.
- В. А еще чего есть?
- О. Вот еще мой брат...
- В. Это тоже во взрослом... А эту фотографию нельзя как-нибудь оторвать аккуратненько, а? Вот, она легко оторвалась... Давайте еще посмотрим.
- О. Все, больше нет. Вот еще мой брат...
- В. И все? И больше у вас нет ни с тетями, ни с дядями, ни с кем?
- О. Нет, ничего нет.
- В. А тетки ваши где-нибудь...
- О. Вот тетка Вера.
- В. Господи, потрясающая фотография, конечно. Ну, просто что-то фантастическое.
- О. Она была красивая и любимая дочь.
- В. Интересно, а какой это может быть год?
- О. Не знаю.
- В. А дальше чего у вас? Это уже более современные, да? А это кто?
- О. А дальше... Это моя мать, а это ее внук, Маринин сын.
- В. Который? Старший?
- О. Это, наверное, Сережа, старший...
- В. Старший, да?.. И все? И больше нет ваших детских фотографий?
- О. Больше нет. А это мои уже...
- В. А это уже пошли ваши дети.
- О. это моя дочь... это моя тетка Мария. Которая нас воспитывала.
- В. Которая доктор. А Верины есть фотографии кроме этой?
- О. Верины? Есть. Ну, я как-то не подумала, что она вам нужна.
- В. А с вами? Вот, чтоб три сестры вместе было, так нету?

О. Нет, нет, нет. У нас, знаете... Мы были настолько бедны, когда...

В. Что до фотографий невозможно дойти.

О. Что до фотографий уже было... А это наши...

В. А это уже более современные, да.

О. Современные. А это вот Валерий, которого вы, наверное, знаете.

В. Знаю, да.

О. Это моя дочь, это мой сын, это Маринины дети. Вот уже вместе, тут уже бесконечно. Это мой племянник из Москвы. Ой... Из Днепропетровска его семья. И все. А дальше пошли уже... Это мои университетские.....

В. Наталья Степановна, а скажите мне, пожалуйста, вот все-таки я думала-думала, после нашей с вами той встречи, и это очень хорошо, что вы сейчас...

(отступление о стуле)

В. Скажите пожалуйста, а все-таки вот очень интересно, вы сейчас как раз этой темой занялись... Скажите, а вот вы с раннего детства знаете, что вот Осоргины – это дворянская фамилия?

О. Да.

В. А откуда вы это знаете?

О. Я не знаю, откуда. Не могу сказать.

В. Это для ваших теток, вот особенно для тетки Марии это что-то значило? Это для нее было важно?

О. Вы знаете, она от всего отреклась. Она ничего не признавала.

В. В каком смысле? Она власть не признавала, или она свое дворянство не признавала?

О. Свое дворянство. У нее были очень плохие отношения с ее матерью, а мать была женщина с сильным характером. Она ее не любила, и у них какие-то вот такие конфликты были, и, в общем, они совершенно разошлись, и тетка выкинула все из головы.

В. Ну все-таки же очень сильный был характер, да?

О. Сильный, сильный.

В. Она была командиршей?

О. Да, да.

В. И она своих сестер, что вот крепко держала?

О. Да, да. Вера была у нее совершенно...

В. В подчинении.

О. В полном подчинении... Она была очень избалована, любимая дочь...

В. Вера?

О. Да. И как-то... И, наверное, эгоистичная, и потом то, что она сидела это ее как-то, наверное...

В. Сломало?

О. Сломало, да.

В. Скажите, а вы не знаете, вот у Марии, у Веры, у них женихи-то были когда-нибудь?

О. Мария, значит, ушла в революцию. Она была членом ВКП(б). И вышла замуж за какого-то тоже, как у нас его называют, комиссара. Но началась война, он заболел тифом и умер. И больше она уже замуж не выходила.

В. Это какая, еще гражданская война?

О. Ну, наверное, гражданская, да, наверное.

В. И больше замуж не выходила?

О. Нет, нет, нет. Вот. А с партийной своей жизнью она мне так сказала... Она окончила до... до революции, наверное, медицинский институт, и уехала земским врачом на Урал. И там началось это передвижение. То русские, то...

В. То красные, то белые.

О. То есть, то большевики, то чехи, то там еще кто-то. И она мне так сказала, что самая кровавая была партия большевиков. Она это поняла, выбросила свой партийный билет,

уехала оттуда в Москву и больше, так сказать...стала земским... районным простым врачом, и уже от нее ничего нельзя было узнать. Все что я узнавала – это от матери, которая любила историю, много знала... Все... Кто кому родственник, кто что сделал, кто был, кто хороший, кто что... Вот... К сожалению, или все это забыто, или...

В. Ну хорошо. Она выбросил из головы все свои партийные, революционные идеи, но, тем не менее, она же еще много лет потом жила, и что не было у нее никаких идей замуж выйти?

О. Я не знаю. Нет.

В. И это никогда не обсуждалось.

О. Это не обсуждалось. О том, что она была замужем, я узнала только после ее смерти от Марины, которая уже отъехала от нас.

В. От какой Марины?

О. Ну сестры, сестры.

В. От вашей Марины.

О. От моей сестры.

В. А Марина-то откуда могла знать?

О. А она жила с матерью, мать ей рассказала.

В. А, вот последнее время?

О. Да.

В. А от вас это скрывалось?

О. Нет, ну просто об этом не говорили, и все.

В. А о том, что дворяне тоже не говорили?

О. Мы, я не знаю. Но у нас вещи были какие-то... хорошие вещи были, фотографий много было. Из которых было видно...

В. Что не крестьянского происхождения?

О. Что это не крестьянского происхождения. Я вчера вытащила все эти фотографии, но я не думала, что вас заинтересует.

В. Ну мне интересно было посмотреть, чтобы три сестры были вместе. Ну, как же так?

О. Ну три сестры вместе есть, могу достать.

В. Какие? Совсем давние? Дореволюционные?

О. Дореволюционные только. Ну, есть и мать моя после революции, вот она. Вот.

В. Это плохо видно. Это она с Марининым сыном? А вы не похожи на маму. Или похожи? Я понять даже не могу.

О. Не знаю...

В. Она приклеена? Приклеена. Все фотографии клеят, портят... Это какой год? Непонятно?

О. Семен родился в 55-ом, значит, 60-ый год. Вы что хотите...

В. Да, я попрошу у вас.

О. Но вы мне вернете?

В. Ну а как же! Я же понимаю, что у вас только по одной. И вообще других нету. Как же я могу не вернуть.

О. Вот еще моя мать. Вот тетка Мария.

В. Это какой год?

О. Это 60-ый год.

В. А раньше нету?

О. Раньше там все.

В. Ну у вас какой-то большой интервал. Или до революции, или уже при Хрущеве.

О. Или когда появились маленькие дети, вот внуки. Их внуки, мои дети. Тогда мы снимали своих ребят и вместе...

В. Тут уже и мамы попадают в кадр.

О. Да, попадают и взрослые. ...вот мой сын...

В. Ну все-таки я никак не могу понять, вот вы все время говорите о том, что в семье надо было молчать. И про папу молчать, и про дворянское происхождение молчать. Откуда ж вы, маленькие детишки, знаете, что это надо молчать? Как этому можно научить?

О. Ну я не знаю. Я никогда, никому не говорила, а с детства знала, что об этом нельзя говорить. Ну, об отце нельзя у нас в доме было говорить, потому что тетка моего отца не любила. Она к нему очень плохо относилась. Она его считала алкоголиком и, между прочим, я тут была недавно в библиотеке Ленина, и у меня было свободное время, я подошла к картотеке. Значит, ну я искала Осоргиных, я искала еще другого деда, прадеда, который был врачом известным, и оставалось время я подхожу к Даниловым. И что же я вижу? Отдельная карточка на моего отца и у него 32 работы...

В. Публикации.

О. Публикации по сельскому хозяйству и пять публикаций на английском и на немецком языке. И последняя публикация в 37-м году, хотя его в 34-м посадили, в 37-м опубликована книжка, в соавторстве, на Дальнем Востоке.

В. Про картошку?

О. Про сельское хозяйство.

В. А вы не переписали? Просто названия публикаций... Ну, интересно же.

О. Слишком много. 32 работы.

В. Ну и что?

О. Ну и я...

В. Ну когда вы еще будете в Ленинской... Ну, вы еще будете в Ленинской, перепишите. Перепишите. Потому что кроме вас сейчас этого никто не делает.

О. ну там они в библиотеке есть...

В. ну хорошо, в библиотеке есть, у вас-то нету.

О. Это не то что 32 монографии.

В. Нет, это маленькие брошюрочки.

О. Это вот такие маленькие брошюрки, на очень простой бумаге...

В. Ну и да, тогда все было некачественным.

О. О картошке, о свекле, о севоп... оборотах, о травах, о повышении урожая.

В. Ну, это тетка ваша придумала. Никакой он не алкоголик. Просто это был мезальянс, и ей не нравилось, что сестра замужем за...

О. Так мезальянс... во-первых, она сама выходила замуж за «комиссара», как мне было сказано, кто он был – не знаю. Но она же отрицала всякое вот это...

В. А вас-то она любила?

О. Меня?

В. Вот вас, Марину...

О. Ну она больше всего любила по началу брата старшего. Очень его любила. А уже когда постарше, я думаю, что это ко мне перешло.

В. А вы ее любили?

О. Да.

В. Вот прямо любили. Несмотря на то, что тяжелый характер, сложная, командирша...

О. Что она мою мать доводила до слез. Она все время ругала, и, то есть, она не то что ругала, она все время была недовольна.

В. Критиковала. Все не так.

О. все не так. Но она, мать была тоже ей задавлена и, наверное, боялась что-то такое делать, потому что командиром и основным работником в семье была тетка. Мария... И она бывала недовольна, что вот ей приходится все делать, всех кормить, всех там обхаживать...

В. А у вас общий стол был, да?

О. Общий стол.

В. И общий холодильник.

О. Да, да. Мы одной семьей жили.

- В. А никогда не попрекала деньгами? Вот критиковала, критиковала, но деньгами не было?
- О. Никогда. Никогд,а никогда.
- В. А вот у вас, я не знаю, туфли протерлись, и надо новые купить, денег нет. И как быть?
- О. Этого я не помню, я не могу это сказать, но когда я уже стала взрослой барышней, наверное, она мне покупала хорошие такие большие вещи...
- В. Дорогие?
- О. Пальто, платье... Помню, продала у нас был большой ковер... Продала этот ковер, и на этот ковер сшила брату, которому уже там 17-18 лет, костюм. То есть она нас одевала.
- В. Уже после окончания школы. Или, наоборот, к окончанию школы.
- О. Ну, наверное после окончания школы, да. Ну почему я стала шить? Потому что у них было много старых вещей, а носить нечего, и я начала переделывать. А любила она меня, наверное, потому что я ну видела, что мать в таком состоянии тяжелом, а тетка все делает, надо помогать. То есть я очень рано стала им помогать. В хозяйстве. Марина всегда, младшая сестра, всегда была маленькой. И в 10 лет маленькой, и в 15 маленькой... А я уже и в 10 была взрослой, и в 5 была взрослой.
- В. ну, потому что старшая. Не взрослая, а потому что старшая.
- О. Ну, в общем, конечно, у нас сложная была семья.
- В. Да и судьба непростая...
- О. Ну конечно непростая, господи. Еще когда настало время поступать в институт – в какой поступать? Как поступать? Когда такая биография... И я выбрала географический факультет не потому, что мне хотелось на географический факультет, а потому что думала, что это самый неинтересный факультет, и там... ну... не будут...
- В. Конкурс.
- О. И конкурс меньше, и преследовать меня не будут. А потом, когда туда поступила, оказалось, что там тоже надо иметь... Как это... секретность оформлять.
- В. А вы что писали-то в анкете? Про папу, про маму?
- О. Я не помню. Я только помню, что мы с братом вместе поступали в институт. Он поступал в Бауманский, а я вот в МГУ. Он написал одно про отца, а я другое.
- В. А про маму?
- О. А про мать что писать? Машинистка.
- В. А происхождение?
- О. Служащая. Было такое слово. Все были...
- В. Из служащих, все были из служащих.
- О. Все были служащие, да.
- В. А вы нигде никогда не писали, что дворянского происхождения?
- О. Нет. Никогда.
- В. А кто-нибудь спрашивал когда-нибудь?
- О. Нет, даже друзья не спрашивали. Я об этом стала говорить. Только когда началась перестройка. И то очень мало кому.
- В. А для вас для самой-то это что-нибудь значит? Как вы считаете? Вот сейчас.
- О. Я даже не могу сказать.
- В. А для ваших детей?
- О. Ну, вроде, значит.
- В. А для внука вот для старшего.
- О. Не знаю. Я составила это вот родословное дерево. Говорю старшему, 22-х летнему: «Иди посмотри». «А потом посмотрю».
- В. В общем, да. Оно ж никуда не убежит, дерево-то. Оно без ножек.
- О. Да. Но ее, материна родословная, род интереснее не только тем, что это старый дворянский род, но тем, что у них в роду была святая.
- В. Да, вы говорили.

- О. О которой пишут многие историки. И дореволюционные писали, и даже в советское время о ней пишут.
- В. А в советское время-то зачем? Она какая-нибудь целительная?
- О. Да нет, она только помогала бедным нищим и больным, и все свое довольно большое состояние отдала своим вот этим несчастным.
- В. Но вы это узнали сейчас из публикаций? Или это дома говорили когда-то?
- О. Дело в том что, сейчас она знаменита стала потому, что она единственная женщина 16-ого и начала 17-ого века, о которой есть биография... Биография ее жизни.
- В. Житие.
- О. У других святых биографии нету. А у нее вот есть.
- В. Но вы мне скажите, вот дома об этом когда-нибудь говорили тетки? Мама?
- О. Ну говорили, да. Да. О том, что святая есть.
- В. И это была гордость, или это была данность?
- О. Ну я не знаю. Ну, наверное, до какой-то степени гордость, но я не могу сказать, что я этим гордилась, и мне это помогало жить. Во-первых, я все время скрывала это, а во-вторых, для меня важнее было, что я дочь врага народа. Вот это меня все время...
- В. Саднило...
- О. Саднило, да. Поэтому я и старалась дружить с простыми девочками, которые этим или не интересовались, или не знали. А если я видела, каких-то богатых и благоустроенных – я старалась от них быть подальше.
- В. Скажите, а вот мы с вами в прошлый раз вы начали рассказывать, а я как-то прослушала, а потом пожалела ужасно. Скажите, вот вы рассказывали про свою коммунальную квартиру, и даже мне предлагали нарисовать схему, а я вас не поддержала в этом... Может, нарисуете свою квартиру? Помните, какая она была? кто где жил?
- О. А зачем?
- В. Да просто так. Чтоб было. Интересно. Потому что мало же сейчас рассказывают про коммунальные квартиры, про быт. А то, что рассказывают это в основном, как друг другу в кастрюлю тараканов кидали.
- О. Нет, такого у нас не было. До тараканов не доходило. Но надо сказать, нас было пять человек детей, пять ребят.
- В. Но пять человек это - вас трое?
- О. Нас трое и еще двое было.
- В. В разных семьях? Или в одной семье?
- О. В разных семьях, да. И нас, молодежь, все очень любили. М к нам очень терпимо относились. Так что я-то себя в этой квартире чувствовала хорошо. А вот наверху, среди взрослых, у нас все время были какие-то...
- В. По поводу чего? Простые бытовые, или еще какие-то?
- О. Бытовые, бытовые.
- В. А там была большая кухня?
- О. Кухня была большая, наверное, метров 18, большая.
- В. С черным ходом?
- О. И черных ход был, да.
- В. А сколько плит?
- О. Две плиты. Но все равно это было мало.
- В. А сколько комнат? Сколько семей?
- О. Сейчас скажу... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь комнат, и одна комната темная, где жили домработницы или бывшие домработницы.
- В. Все общие, все вместе. Все домработницы вместе?
- О. Ну у нас была домработница, потому что мать работала, и у тех вот у двух две девочки еще были, у них были домработницы.
- В. А когда с вами жила Таня – она жила в той комнате темной?

- О. Да, она жила вместе домработницами. Ну, там была очень хорошая одна домработница, очень приятная женщина, и они очень дружили.
- В. скажите, а ведь Таня - это даниловская родственница.
- О. да, да.
- В. А деньги ей платит тетя Мария?
- О. Ну, наверное.
- В. Нет?
- О. Наверное.
- В. А она к ней относится, тетя Мария, как к вашей няне и домработнице, или как к родственнице вот тех плохих Даниловых, которых она не любит?
- О. Я не помню. Она к ней хорошо относилась. Но эта Таня была веселая, смешливая... Приятная очень. Я ее обожала.
- В. Как же она потом потерялась? Вы совсем не знаете, куда она девалась?
- О. Она... Нет, мы связывались с ней. Она уехала к себе, на родину в Каргополь. У нее отец из-под Каргополя, и там она жила, вышла замуж, у нее двое детей было, не так давно она умерла.
- В. А дети?
- О. А дети не так давно приезжали сюда.
- В. Это ваши троюродные, получается?
- О. Ну, если она двоюродная, то эти племянники, значит, мои.
- В. Контакта нету?
- О. Нет, сейчас нет. Мальчик работал шофером, а старшая дочь вышла замуж за лесника. И это такая, в общем, интеллигентная получилась семья. Они где-то там жили, в лесничестве, и моя сестра к ним ездила и в восторге от того, как они жили.
- В. Вы не знаете, Марина переехала ведь, да?
- О. переехала.
- В. как там у нее – хорошая квартира, чего говорят люди? Брат-то приезжал к вам из Днепропетровска?
- О. Брат приезжал, вот он был здесь...
- В. Рассказывал, какая квартира?
- О. Да, говорил хорошая. По площади она точно такая же, как была та трехкомнатная, у нее две комнаты, одна большая, одна маленькая, 11-ый этаж, в этом же районе, где-то рядом...
- В. Ну да, там совсем рядом.
- О. Два балкона и две лоджии.
- В. Хорошо.
- О. Так что они, в общем, довольны.
- В. Довольны.
- О. И кухня большая. Кухня, что-то он назвал, 12 метров...
- В. ну понятно. Там в пятиэтажках-то отвратительные кухни.
- О. Так что у них кухня как...
- В. Столовая.
- О. ...комната, и даже стоит, ну...
- В. Диванчик?
- О. Диванчик, стоит, на котором можно спать.
- В. А. Он там и спал, на диванчике?
- О. Да. Он жили у них.
- В. Ну хорошо. Хорошо, что в том же районе, хорошо, что не заслали Бог знает куда.
- О. Да. Она могла получить трехкомнатную квартиру, но где-то на окраине. Они не захотели.
- В. не, не имеет смысла. Ну, хорошо. А скажите, что за соседи-то еще были другие? Шесть комнат! У вас была одна?

- О. У нас было две комнаты.
- В. ну давайте, нарисуем. У вас есть бумажка? С ручкой? Сейчас нарисуем план квартиры на Столешниковом переулке.
- О. Ну что, всю квартиру рисовать?
- В. ну конечно. А что ж, только вашу комнатушечку.
- В. Рисуем квартиру.
- О. Значит, вот одна комната... Здесь жила бывшая владелица этой квартире, съемщица. Ее муж работал, торговал в пассаже всякими модными вещами. Он ездил в Париж.
- В. А как зовут-то?
- О. Ее? Сысоева, Татьяна Алексеевна.
- В. Это она по мужу Сысоева?
- О. Да.
- В. Это она владелица была всего этого дома, или всей это квартиры?
- О. Все этой... ну, не владелица, а снимала. Это был доходный дом.
- В. А, а потом их уплотнили, понятно.
- О. А потом их уплотнили. Это две комнаты, здесь жили Зайдшнуры, еврейская семья. У них была дочь Наталья...
- В. Давайте напишем тут Сысоева... Зайдшнуры...
- О. Зайдшнуры. Так. Они врачами были. Вот, у нее был, у матери, Пэша Мионовна, у нее был...
- В. Как?
- О. Ее звали... Ну еврейская семья.
- В. Пэша?
- О. Пэша, Пэша ее звали. Или Пеша? Пеша Мионовная. У нее был очень большой брат. Ой... фамилия сейчас я не помню...
- В. Что значит «большой»? А, в смысле большой по должности?
- О. Политически. Политически большой. Он был связан с самыми-самыми такими вот...
- В. Верхами.
- О. Верхами. И я даже помню, как он на даче, на Сходне, я с ними ходила в какое-то общежитие, где вот они все жили, эти верхи. Почему-то у меня такое впечатление, что там Рыков был. Еще кто-то вот из тех же, но сейчас уже боюсь сказать.
- В. Она была Пеша Мионовна, а муж ее как был?
- О. Исаак Аркадиевич.
- В. А девочку звали?
- О. Наталья.
- В. Так же, как и вас? Вы одноклассницы?
- О. Она старше на год. Вот. Ну, в 38-м году его, этого самого брата, расстреляли.
- В. Ну мы же не знаем, как фамилия брата? Он же не Зайдшнур, у него же другая фамилия...
- О. Нет, у него другая была. Кривицкий у него была фамилия. Андрей Мионович Кривицкий.
- В. Посмотрим, кто такой. Я вам позвоню, расскажу.
- О. И был у него сын Феликс. Чуть-чуть помоложе нас. Когда я недавно с этой Натальей встречалась, я ее спросила о Феликсе. Она не захотела мне говорить, или сказала, что не знает ничего. Но я не очень ей верю. Вот. Исаак Аркадиевич был на фронте, воевал. Не воевал, а он врач.
- В. А их, когда брата посадили, арестовали, их это не затронуло?
- О. Я не знаю, видимо не затронуло.
- В. А они, вы говорили, вроде уезжали в эвакуацию?
- О. Они в эвакуацию уезжали.
- В. А потом вернулись в эту же квартиру?

О. Потом вернулись в эти же комнаты. У них была домработница, которая очень любила эту Наталью, потому что у нее никого, ничего не было. И когда началась война, эти уехали, домработница, Нюша, с ужасом узнала, что, оказывается, она еврейка, и она любит еврейку. Как это так? Вот это я помню. У нее на лице... Тут начали же ругать евреев, евреи плохие, евреи плохие...

В. Во время войны?

О. Во время войны.

В. Во время войны была антисемитская компания?

О. Я не могу сказать, была ли компания, но разговоры вот на уровне домработниц, были.

В. А бедная... Она не знала, что она у евреев?

О. Она не знала, что она обслуживает еврейскую семью.

В. Прелестно. Скажите, а комнаты одинаковые по размеру? Или они как-то перегорожены были? Как у вас ощущение?

О. Вот тут была дверь, она была закрыта.

В. Вот между Сысоевыми и Зайдшнурами она была закрыта.

О. да, она была закрыта.

В. А вообще они одинаковые?

О. По-моему, одинаковые. Это кухня. Кухня вся была обставлена, кругом были столы, и вот здесь была плита.

В. И плиты.

О. Здесь выход.

В. Черный ход?

О. Черный ход. И здесь была плита. Две плиты, черный ход. Так, это был длинный коридор, здесь вот... здесь вот так. Это был длинный коридор.

В. Темный?

О. Темный, да.

В. Ну что вот прямо темный, такой классический темный длинный коридор, корыта висят на стенках, или как?

О. нет, нет, нет... Я как-то... Вот так вот... Все-таки стены-то, наверное, так надо рисовать... Вот здесь туалет, здесь ванная, большая ванная... Как-то она у меня не получается большой... Здесь маленький коридорчик... Ну, видимо, вот так вот ванну надо нарисовать... Здесь маленький коридорчик... здесь еще одна семья.

В. А это кто такие?

О. Федоровы. Он бухгалтер, до войны работал... Нет, наверное, во время войны... в Монголии провел всю войну. После этого он работал в Англии, тоже бухгалтером. И они везли оттуда чемоданы с вещами.

В. Из Англии? Когда возвращались?

О. Когда мы все были нищие. Вот.

В. А у них ребенок был?

О. Мы... Регина была, да.

В. а, то есть это пятый человек получился, вас трое, вот здесь Наталка и тут Регина.

О. Да.

В. А, одни девчонки, практически.

О. Здесь Натала ее звали. Вот. Регина. Регина хорошая была. Но, к сожалению, она в конце жизни... У нее что-то такое... И она умерла. Вот. Теперь дальше была большая комната, наверное, вот такая вот.

В. Больше все?

О. Зала, зала. Которая была разделена вот так. Вот вход вот здесь был. Вот так. Тут вход, тут дверь была закрыта, а тут вообще... Это наша квартира. Вот моя мать, здесь 14 метров квадратных. Здесь Мария, тетка.

В. Ваша мать... А вы, трое, где?

О. Когда Мария и Вера тут жили, да?

- В. ну, когда Вера вернулась.
- О. Когда Веру арестовали, то я тут жила. А когда она вернулась, то мы все тут жили.
- В. Все втроем?
- О. Вот в этой комнате.
- В. А это большая часть была? Ваша 14 метров, а эта больше?
- О. А эта 18 метров. Так, вот здесь...
- В. Как-то тут хитро. Тут была дверь? А тогда как сюда заходить?
- О. Нет, вот тут была дверь. Это вот коридорчик маленький получался. Я его плохо нарисовала, надо, наверное, побольше все-таки.
- В. Он получался к этому коридорчику. Маленький коридорчик к этому.
- О. Нет, это искусственная стена, которую поставили уже после революции.
- В. А, тогда, когда перегородку поставили?
- О. Да.
- В.. Понятно.
- О. Здесь... Вот так, наверное, все-таки. Еще одна комната.
- В. И тут кто жил?
- О. Здесь до войны жила актриса, певица русских песен.
- В. Как зовут?
- О. Фамилия была Платонова.
- В. Где же она пела русские песни?
- О. Не знаю, где пела.
- В. А с кем она жила? Одна?
- О. Мать.
- В. Со старушкой.
- О. Но, потом, когда она уехала в эвакуацию, выяснилось, что, оказывается, у нее был сын, которого она, значит, скрывала, отдала кому-то такое, его кто-то воспитывал... Вот так.
- В. Ну понятно. А где же маленькая комнатка, где жили прислуги? Для домработниц?
- О. А вот... Вот она у меня не получилась.
- В. а она где?
- О. Она вот здесь.
- В. как-то она у вас выперла из общей...
- О. нет, это лестничная клетка. Уже лестничная клетка.
- В. ну. И прямо с лестницы надо было входить?
- О. Нет, а это черный ход.
- В. А, это черный ход через кухню, понятно.
- О. А это белый ход, тоже лестница.
- В. А домработницы получается, ваша и Зайдшнуров?
- О. Да, и Федоровых.
- В. А у Платоновых не было никакой домработницы?
- О. нет, тут еще делилась вот та комната... комнатка. Здесь жила домработница вот этих Зайдшнуров, злая-презлая, недовольная. Нервная.
- В. Это которая? Это потом уже, после войны?
- О. нет. После войны сейчас расскажу, что было... А вот эти две домработницы, моя Таня и вот Нюша, и Фаня вторая, жили вот здесь, под занавесочкой. Тут занавеска была легкая. Подождите... Немножко надо вот так вот, наверное, эту комнату-то продлить... Потому что дверь была близко очень.
- В. А как же вы говорите, злая-презлая, которая очень любила Наталу Зайдшнур?
- О. А вот она ее очень любила.
- В. несмотря на то, что злая.
- О. Потом ее сына обожала. А это вот коридор тоже был большой. Здесь был... вот тут был вход в нашу квартиру, вот дверь основная.
- В. Это какой этаж?

О. Четвертый этаж... Квартира... Сначала она была 18, потом стала 12.

В. А телефон у вас был?

О. Был.

В. В коридоре?

О. Телефон стоял вот здесь.

В. Прямо рядом с вами?

О. Нет. Вот так против вот этих...

В. Зайдшнуров.

О. ...телефон. Он поставил телефон. Он вообще был какой-то, он был партийный, занимался какими-то общественными делами, он был санитарный врач. 7-го ноября, 1-го мая, в Новый год он в нашей школе делал доклады для детей. О 1-м Мая, о революции, так далее. Но, надо сказать, ничего про эту семью плохого не могу сказать. Они меня очень любили, Шурика очень любили, даже моя тетка все время говорила: «Не дай бог, если Шурик женится на Наталке, это будет ужасно...».

В. Почему?

О. Потому что она болтлива. Настолько у нас были хорошие отношения с этой семьей.

В. А не дай бог только потому, что болтлива?

О. Ну, может быть еще потому что еврейка, не знаю.

В. А они не любили?

О. Я не могу сказать, нет, не могу.

В. А когда вы вышли замуж?

О. Тоже ничего. Более того, я вам скажу, когда началась война, у моей тетки Марии была врачиха. Они вместе работали. Еврейка. И, значит, когда подходили немцы к Москве, она к нам приходила домой, и мы обсуждали, вместе с... Ну, я во всяком случае, участвовала в этом обсуждении, что если немцы подойдут, то она будет жить у нас, и мы ее будем прятать в шкафу, когда будут приходить немцы. Вот так вела себя моя тетка Мария.

В. А соседи не выдадут?

О. Не знаю. Эти были за границей, их не было. В их комнате жила их домработница, Фаня. Эти уехали тоже за границу...

В. В эвакуацию.

О. В эвакуацию, и больше уже не вернулись, и после войны в эту комнату попал инженер из Ленинграда, который пережил...

В. Блокаду.

О. Блокаду, да.

В. А Сысоевы?

О. Ну, она так жила и жила. Накануне, как Хрущев начал строить вот эти дома для...

В. В Черемушках.

О. В Черемушках. Она сменялась. Уехала к своим сестрам. У нее было две сестры... На Остоженку. А сюда вселился ее брат, который пережил тюрьму в советское время, его жена и сын.

В. Во время войны получается, что вы жили фактически одни.

О. Да.

В. И домработница.

О. Да. Мы и домработница.

В. Скажите, а вот классический все-таки быт коммуналки, кухня большая, столов много...

Но есть на кухне нельзя? Надо в комнату? Надо в комнату носить?

О. Нет, нет, нет. Вот здесь был наш стол, у входа. Побольше наш стол. Здесь стол Федоровых, здесь тоже чей-то стол, здесь умывальник, здесь вот окно, у окна чей-то стол стоял, вот здесь еще стол стоял, вот здесь стоял стол.

В. Кошмар.

- О. А потом еще когда моя сестра вышла замуж за своего мужа, и тетка Мария его совершенно не приняла, и Марине пришлось отделиться, жить отдельно, она стол себе поставила уже вот здесь.
- В. Прямо посередине?
- О. Потому что больше было негде поставить.
- В. А тетка Мария не приняла мужа, потому что муж плохой? Или потому что она вообще никого не принимала?
- О. Потому что муж плохой. Плохой.
- В. А муж действительно был плохой?
- О. Действительно был плохой... Действительно плохой...
- В. А вообще скажите, она была ревнивая, тетка Мария, вот к вам? Она считала, что вы вот ее собственность, вы там замуж выходите? Еще какие-то, нет?
- О. нет, нет.
- В. То есть она не диктовала в этом плане. Не запрещала замуж выходить?
- О. Нет, нет.
- В. Скажите... А вот те замечательные совершенно письма, которые вот вы нам отдали, вот вы как считаете, вам их мама диктовала, или вы прямо сами садились и писали?
- О. Я не помню, я не могу сказать. Я только помню, она меня просила, чтоб я написала. А я не знала, что писать. И в начале она меня немножко вот... следила. А потом я сама писала. Мне кажется, что сама.
- В. А тетка Мария в это время что говорила? Что пишете непонятно зачем, непонятно кому...
- О. Нет, нет. Она просто не знала об этом. Или мать старалась, чтобы я писала, когда ее не было, или она это делала вид, что она не знает. Что я пишу.
- В. А как же они к вам попали обратно, эти письма? Вы не можете понять?
- О. не знаю, это я не понимаю. Видимо, мать их не посылала.
- В. То есть это было для того, чтобы в вас поддерживать такие чувства к отцу?
- О. Не думаю...
- В. А зачем же тогда вас заставляли писать? И потом не посылать?
- О. Мне почему-то кажется, что она не посылала, потому что у нее не было денег на марку и на конверт.
- В. Вот до такой степени не было денег?
- О. До такой степени, да.
- В. То есть полная нищета?
- О. Мне так кажется. Сможет быть, я не права... Мы очень плохо жили... Если мы что-то, ну, вот на столе стояла ваза с яблоками. Мы не имели права взять яблоко, съесть. Только если она предложит.
- В. тетя Мария?
- О. Тетя Мария, да.
- В. А она могла забыть предложить?
- О. Могла, и эти яблоки стояли несколько дней. Не едены.
- В. А очень хотелось взять? Вы помните это чувство?
- О. Нет, не хотелось. Я знала, что нельзя. Знала – нельзя. Поэтому у меня даже желания такого не было. Сахар можно было в чай класть только одну ложку. Маслом мазать хлеб только очень тонко. Если мы клали две ложки сахара – нам делали замечание.
- В. Это было обидно?
- О. Нет, не обидно. Нет, не обидно. Естественно... Я просто... Я просто понимала, что я не имею права, раз она мне говорит – то я уже не имею права так делать.
- В. ну она это говорит как – из экономии, из жадности, или потому что нету?
- О. Наверное, потому что нет.
- В. Ну ведь ей вам не жалко было бы, для вас?
- О. ну я не знаю. Не могу сказать. Нет, я бы не сказала, что она была жадная, нет.

В. А вот с чего вы... Откуда вы знаете, что она...

конец 1-й кассеты стороны А

1-я кассета сторона В

В. Ведь вы ведь, тетка, знаете, что тетка Мария не любила отца. Правда? Значит, в вас это откуда-то живет ведь подспудно?

О. Не знаю, это прямо вот кровью все во мне впитано было, Может быть, об этом говорили на кухне, в квартире, может быть, это говорили.

В. Соседи?

О. Потому что мою тетку не любили. Она командовала не только в нашей семье, но еще она командовала в квартире. И с ней, ее уважали, но, наверное, так не очень хотели с ней связываться. И если можно было сказать что-то плохое, то, значит, говорили. Нет, ну ее очень как-то уважали.

В. но не любили.?

О. нет. Думаю, что нет. Ну, у нас хорошие были соседи, и... Эта певица, как-то я ее совершенно не помню... Сысоева нас, детей обожала. Потом она сама была угнетена советской властью, потому что ее муж был нэпманом, и вот на моей памяти, когда я еще очень маленькая, тогда же нэпманов стали преследовать, и ее мужа стали преследовать. И она вынуждена был своего мужа прятать. Прятать на Остоженке у своих сестер. И вся квартира это знала.

В. Но он время от времени все-таки приходил?

О. Я его не помню. Не помню. Потом он вскоре умер. А вот эта семья, это был, наверное, этот самый... как это... доносчик, или как их?

В. Да его ж не было никогда, он в Англии был все время.

О. Ну он же не все время в Англии, там... три года там... Или сколько – пять лет? Потом, может быть, два срока... Не помню. Ну, жена у него была очень хорошая, и жена нас любила, и с Региной мы дружили. Так что, в общем...

В. А вы не можете понять, вот когда отца не стало... Вы маленькая еще, вы его плохо помните, но, а вот сестры, тетя Мария, ваша мама, как вот они переживали его кончину?

О. Молчали. Мать часто плакала.

В. Ну, а тетка что, не видела, что она плачет? Или она не хотел этого видеть?

О. Ну она плакала так, чтобы Мария не видела этого.

В. Ну хорошо, две сестры, в одной квартире – как это можно не увидеть?

О. Вы знаете, когда они хотели разговаривать о том, что нам не нужно знать, они говорили по-французски.

В. И часто они так говорили по-французски?

О. Ну, я бы сказала, может быть часто, но коротко. Больших разговоров таких не было.

В. Жалко. Были бы большие разговоры – вы бы выучили французский.

О. Меня пытались учить французскому языку, у нас была бабушка, которая знала французский язык, но я отказалась. Я не захотела.

В. Почему?

О. Не хочу и все.

В. Почему?

О. А потому что во дворе никто не учит французский язык, и я не буду.

В. А во дворе чего? Ничего не учили. Никакой язык.

О. Нет.

В. Скажите, а вот когда тетку Веру арестовали, тетка Мария – она считала, что отец виноват? Что это он ее за собой потащил? Или как?

О. Тетка Мария вообще молчала об этом. Но в семье существовало такое мнение, что она из-за моего отца пострадала. Уже когда мы разъехались, когда я жила здесь, а Марина

жила там, мне Марина сказала, что отец работал в редакции, называлась «Беднота», и всю редакцию в один день посадили. Всех подряд.

В. А Марина откуда это знает?

О. Это ей сказала мать.

В. А вам она этого никогда не рассказывала?

О. А мне она не рассказывала, да.

В. А в последние годы мама об отце вспоминала?

О. Ну последние годы, я думаю, нет, а в начале она очень переживала, и она... Я видела, я понимала, что она его любила.

В. Но ведь она все-таки очень надолго его пережила, и были уже совсем другие времена.

Она потом о нем никогда не рассказывала, не вспоминала?

О. Нет, нет, нет. Ну, может быть, она рассказывала сестре и брату. А я была теткина. Я была на стороне все время тетки.

В. тети Марии?

О. Тети Мани, да. А потом я вышла замуж, я уехала, вообще мы в Якутске жили.

В. А как это так, Наталья Степановна, что это значит – на стороне тети Мани. А если вы на стороне тети Мани, это значит вы с мамой в разных лагерях? Или как?

О. Ну, я не могу сказать, что было... было два лагеря.

В. Но все-таки это разные стороны? Или как?

О. Ну как-то все-таки вот было такое. Но я мать любила, я ей много помогала.

В. Но вы тетиманина.

О. Да, я была тетиманина. И она мне много, вот когда я уже повзрослела... Одевала меня, покупала мне.

В. тетя Маня?

О. Тетя Маня. Вот Марине она как-то значительно меньше, или уже у нее сил не было, денег не было.

В. Ну у нее же никого не было, кроме вас.

О. Да, да. Она нас, вообще она нас троих очень любила.

В. Чего замуж-то не вышла? А тетя Вера чего замуж не вышла?

О. Тетя Вера почему не вышла замуж – это мне мать рассказывала, она была любимой дочерью, своей матери и, естественно, ей мать хотела найти богатого жениха. А богатого жених было найти довольно трудно. Ну, во всяком случае, у них не удалось... Это ей не удалось. Потом началась война, а женихи у них были... У них же был старший брат военный, значит у них все время крутились военные.

В. В доме?

О. В доме. Молодые ребята, которые могли быть женихами. Началась война – они все ушли на войну, потом началась революция – и все было кончено.

В. А где у них имение-то было?

О. У них имение было под Самарой.

В. Ну хорошо. Тетя Маня порвала с семьей, ушла и не поддерживала контакты. А мама с тетей Верой? Ведь с семьей не порывали...

О. Они в начале века переехали в Москву и жили на Остоженке.

В. Бабушки-дедушки?

О. Да, мой бабушка, дедушка и вот две сестры.

В. Но вы же не застали их уже, да?

О. нет. Но я помню, как мы в ту квартиру ходили. Там жила жена нашег, моего дяди. Которую он бросил. И вот мы к ней ходили, я помню в Москве.

В. Красивая?

О. Ну, не знаю, не очень.

В. А из них троих – вот Маня, Вера и мама ваша – кто из них самый красивый был?

О. Вера, Вера.

В. И самая добрая?

О. Вот я начала рассказывать, да не кончила, что посадили всех. А тетя Вера в это время что-то такое печатала для этих сотрудников «Бедноты». И вот она считала, что из-за того, что отец ее попросил что-то такое напечатать – она и села.

В. Кто это считал – тетя Вера или тетя Маня? Или обе?

О. Я не могу сейчас сказать. Но, тетя Вера в общем, как-то, однажды, зло мне сказала... Вообще она была обозленная. Она совершенно, ну, как-то обезличенная, несчастная... Несчастнейшее существо, но она еще была какая-то немножко злая. Она нас, если тетя Маня нас любила, то она нас не любила, мы ей мешали.

В. И это прямо видно было?

О. Ой, я не знаю, когда... Ну, во-первых, значит, в 34-м ее посадили, в 37-м ее выпустили, сразу в Москве жить нельзя, значит, она жила на 101-м километре довольно долго. Наверное, во время войны ее... дали взятку в домоуправление, и ее прописали, она стала жить в Москве. Она прожила год, потом кто-то донес, и ее пришлось опять выселить на 101-й километр, она вернулась только в 56-м году.

В. Уже немолодой очень.

О. Уже немолодой, а я уже была замужем. Я уже там не жила.

В. Ну и вы жили практически порознь все время.

О. да.

В. Но, тем не менее, тете Vere вы тоже пишете письма.

О. Ну, мать заставляла. То есть, не заставляла – просила. Ну, я не знаю, почему я писала.

В. Но, тем не менее, пишете. Ничего в памяти не осталось.

О. Значит, если я писала... В каком году эти письма-то писаны, там нет чисел? Сколько мне было...

В. Да есть, просто я не помню. Ну, маленькая, конечно.

О. Ну лет 10, не больше.

В. Да, не больше.

О. Ну я не знаю, почему я писала, наверное, потому что брат был такой активный и все время во дворе бегал и не подчинялся вот такой дисциплине, Марина была еще маленькая, значит меня и...

В. То-то вы одна за троих должны были отдуваться.

О. Да-да. Ну, какая-то жалось... У меня была жалость. Жалость к матери, прежде всего, потому что я видела, что ей плохо, ей тяжело, видела, что вот без конца какие-то разговоры, что вот денег нет, что... и так не столько о деньгах, сколько о вещах. Вот нет, нет там куска мяса, или там еще что-то... Вот, например, колбасу мы вообще не ели в детстве. Это слишком дорого для нас было.

В. А сыр?

О. А сыр... Не помню. Сыр не помню, а колбасы у нас в доме не было.

В. А откуда вы тогда знали, что колбаса есть? В других домах было?

О. Но я видела все-таки, в магазин-то заходила, видела эту колбасу.

В. Ах, да в магазинах... А может, она невкусная, откуда вы знаете?

О. Да нет, я знала, что вкусная. Но никогда ее...

В. А конфеты?

О. Конфет тоже... Конфеты были самые дешевые. Но опять же, если были хорошие конфеты – они лежали на столе, но взять мы их не имели права.

В. А тетка не предлагала, чтобы вы в медицинский поступали, по ее стопам, по ее следам? Она не хотела?

О. Я думаю, что она хотела, чтоб я поступила в медицинский. Но я посчитала, что большой конкурс, и мне туда нельзя.

В. А на геологический был не очень большой?

О. Четыре человека был конкурс.

В. ну тоже не маленький. И потом все-таки университет! Вы ж не кабы куда пошли, ни в картографию с геодезией, а в Университет. А мама горда была, когда вы поступили в институты? Вы и Шурик?

О. Не знаю... Не могу сказать. Единственное, соседка вот Федоровская как-то сказала. Когда вы кончили институт – ваша мать просто помолодела. Вот такую фразу она сказала.

(Разговор о фотографиях)

О. Ну я не знаю, тут видно, что Вера красивая?

В. Видно. Шурик и Наташа. 29-й год... Но это две одинаковые. А это Марина, Наташа и двоюродная сестра Таня. Это вот прямо на Сходне фотография-то.

О. Да, да. Это на даче. Это мы жили на даче. Значит, это до войны. Во время войны мы ездили...

В. Вот это вы, вот это Марина, Марина поменьше.

О. Да. Значит мне здесь – примерно лет 12. А вот там написано 38-й – 39-й год. Да, до войны, за год за два до войны Таня уехала, вышла замуж и уехала. Значит, мне здесь примерно 10 лет. А тетиверины есть фотографии, но она уже старая, уже... несчастная женщина была. Господи, мать хоть детей родила и вырастила. Тетка хоть работала. И причем она на работе-то была... ценимая.

В. А она любила свою работу?

О. Она была хорошим врачом, да.

В. А у Веры вообще ничего. Ни семьи, ни работы...

О. Ни семьи, ни работы, ничего. Ну вот она училась в этом, в ВХУТЕМАСе, вот ее рисунки, она же хорошо рисовала. Я не знаю, хорошие или нехорошие, но во всяком случае она рисовала и... Гимназию кончила с золотой медалью.

В. А скажите, чего нашли-то, какие новые документы, что-нибудь новое нашли там, в дворянском собрании, чего сами не знали до этого?

О. ну, во-первых, я нашла герб, сделала ксерокс. Потом он меня послал в архив на Бауманской, забыла, как называется. Там я могу получить данные о вот военный... Есть данные о нем, его жене, его детях.

В. О каком военном? Вот тот, который пропал во время гражданской войны?

О. Нет, нет.

В. Дальше?

О. Более глубокие. Вот. Но все это стоит примерно, то ли он... она сказала 500 рублей, то ли 50. То есть я уже задумалась, стоит ли мне...

В. А ваши дети-то вас поддерживают в этом вашем начинании? Дети, внуки...

О. Идеями поддерживают.

В. А деньгами?

О. А деньгами... Дочь не может, а сын тоже не может...

В. А внук?

О. А внук...

В. Он работает сейчас?

О. Внук у нас снял ком... квартиру, живет там с девушкой.

В. ну? Он где сейчас работает-то?

О. Он работает на «Электронном раю».

В. Да, вы говорили.

О. Рабочим...

В. Прямо рабочим?

О. Да. Ну, кто, не рабочий он там... Это по-современному называется «менеджер».

В. А что за девушка, вы девушку видали?

О. Мы не видели ее, нам ее не показали.

В. Ой-ой-ой. А что так? Не доверяют?

О. Между прочим, когда он стал много зарабатывать, а... я ему сказала, ты должен помогать матери, должен платить. А он мне сказал: « Мне и самому не хватает».

В. ну, если квартиру снимать, то конечно – квартиры нынче дороги. Квартиру или комнату?

О. Однокомнатную квартиру.

В. Это дорого стоит.

О. Ну не знаю.

Конец записи